

Л. А. Цветкова, К. Ю. Ерицян, Н. А. Антонова

ФОРМИРОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ПОВЕДЕНИЯ РИСКА В ОНТОГЕНЕЗЕ¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В рамках психологии риска встает вопрос о дифференциации таких понятий, как «объективный» и «субъективный» риск, «восприятие риска», «установка к риску» и «принятие риска». Весной 2014 г. было обследовано две группы респондентов, систематически практикующих поведение риска: промышленные альпинисты и находящиеся на лечении наркологические больные. Результаты исследования показали, что среди представителей рискованной профессии в онтогенетическом процессе формирования личности уже на ранних его этапах прослеживается склонность личности к риску и поиску ролевых моделей, связанных с риском. Склонность к риску может и не обуславливать выбор аддиктивного поведения (алко- и наркопотребления) в подростковом и юношеском периодах, а в дальнейшем вообще терять значимость в результате формирования химической зависимости у индивида. Библиогр. 4 назв. Ил. 6.

Ключевые слова: восприятие риска, установка к риску, принятие риска, онтогенез.

ONTOGENETIC DEVELOPMENT OF DIFFERENT TYPES OF RISK BEHAVIOR

L. A. Tsvetkova, K. Yu. Eritsyayn, N. A. Antonova

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Differentiation of objective and subjective risk, as well as risk perception, risk attitude and risk-taking is an important issue of risk psychology. The present study aims to describe the ontogenetic development of risk-taking, as well as group norms that facilitate it. In the spring 2014 two groups of young adults who regularly engage in risk-taking behavior were examined: 1) industrial climbers and 2) patients with drug addiction disorders. The study results showed that among industrial climbers the tendency to take risks is already seen at early stages of personality development. For drug users risk seeking is not necessarily an important factor of substance use and abuse in adolescence, and later could lose all significance as a result of the chemical dependency formation. Refs 4. Figs 6.

Keywords: risk perception, risk attitude, risk-taking, ontogenesis.

Введение

В рамках психологии риска остро встает вопрос о дифференциации таких понятий, как «объективный» и «субъективный» риск, а также «восприятие риска» (*risk perception*), «установка к риску» (*risk attitude*) и «принятие риска» (*risk-taking*).

Объективный риск устанавливается при помощи вероятностно-статистических методов и может быть определен как доля негативных исходов отдельных видов поведения. Очевидно, что существуют различные ситуации, предусматривающие высокую степень объективного риска. Считается, что объективный риск детерминирован физическими фактами, тогда как субъективный риск представляет собой некий социальный конструкт, не зависящий напрямую от физических фак-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ проекта № 13-06-00831 проведения научных исследований («Формирование поведения риска в онтогенезе: принятие риска на субкультуральном и групповом уровнях»).

торов, и имеет совершенно иные характеристики [1]. Таким образом, различение *объективного* и *субъективного* риска имеет фундаментальный характер, поскольку подмена одного вида риска другим обесмысливает научную дискуссию относительно связанного с риском поведения и делает малопродуктивным его эмпирическое изучение [2–3].

Преимущественно предметом психологического исследования является изучение субъективного риска, его вклада в мотивацию и, шире, в детерминацию поведения.

К объективно высокорискогенным ситуациям относят, например, занятия отдельными видами спорта (прыжки с парашютом, скалолазание и пр.), некоторые виды профессиональной деятельности (шахтеры, промышленные альпинисты и пр.), а также отдельные виды поведения в сфере здоровья (алко- и наркопотребление, переизбыток и пр.). Следует отметить, что в научной литературе, посвященной психологии риска, достаточно часто закономерности, полученные в рамках одного вида поведения риска, автоматически рассматриваются и как характерные для иных рискованных практик, что, на наш взгляд, неправомерно.

Субъективная природа конструкта «восприятие риска» отмечается в психометрической модели (*psychometric model*), завоевавшей популярность в психологической науке в последнее время. Под восприятием риска понимают индивидуальный познавательный процесс, который подвержен широкому спектру психологических, социальных, институциональных и культурных факторов. «Установка к риску» варьирует от склонности (поиска) к риску (*risk seeking*) до неприятия риска (*risk aversion*) и иногда рассматривается даже как личностная черта [4]. «Принятие риска», на наш взгляд, предполагает некую готовность личности адекватно вести себя в ситуациях, предусматривающих высокую степень риска.

Готовность к принятию риска приобретает в онтогенетическом процессе формирования личности. В этой связи наибольший интерес, на наш взгляд, представляют ранние стадии жизненного цикла — детство, подростково-юношеский период, период ранней взрослости. Формирование поведения риска, с точки зрения ряда авторов, состоит в том, что лица, практикующие рискованное поведение, имеют сходные психологические особенности, а выбор конкретного вида поведения риска в значительной степени ситуативно обусловлен.

Настоящее исследование направлено на изучение формирования в онтогенезе склонности и личностной готовности к принятию риска, а также групповых норм, способствующих этому. Мы предполагали, что суждение о единой психологической составляющей разных видов поведения риска может быть неверно, и разным видам поведения риска могут быть присущи различные закономерности формирования. Поскольку принятие поведения риска оказывается уже сформированным в период ранней взрослости, мы выделили для эмпирического его изучения лишь 3 периода жизненного цикла человека, осознавая условность предлагаемых различными авторами границ: младший школьный (7–12 лет), подростковый (13–16 лет), юношеский (17–21 год).

Конкретной задачей данного исследования являлось описание и сравнение формирования в онтогенезе двух видов поведения риска: употребления наркотиков и занятия экстремальными видами спорта.

Материалы и методы исследования

Весной 2014 г. было проведено исследование на материале двух групп респондентов — молодых взрослых, которые систематически практикуют поведение риска в ситуациях определенного типа.

1-я группа — промышленные альпинисты или представители так называемой «опасной профессии».

2-я группа — находящиеся на лечении наркологические больные, то есть лица, практикующие опасное для здоровья поведение.

Опросник эмпирического исследования включал в себя следующие блоки.

Блок 1. Опыт практик рискованного поведения / ролевые модели в ближайшем социальном окружении по стадиям жизненного цикла (младший школьный, подростковый, юношеский); социально-демографическая информация.

Блок 2. Личность с присущими ей факторами принятия риска: «склонность к поиску острых ощущений» (М. Цукерман), «готовность к риску» (Г. Шуберт); наличие опыта переживания утраты; субъективно-личностные оценки риска (угрозы); нормы субкультуры и группы по отношению к рискованному поведению.

Выборка исследования была сформирована по принципу целевой, то есть в исследование включались респонденты, занятые в сфере промышленного альпинизма, а также наркологические больные. Исследование проходило в формате 30-минутного структурированного интервью лицом к лицу.

Стратегия рекрутирования наркопотребителей была основана на отборе доступных лиц из числа пациентов и реабилитантов специализированных лечебных учреждений и групп самопомощи Ленинградской области. Набор промышленных альпинистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области осуществлялся методом «снежного кома» через личные контакты².

Общий объем выборки составил 143 респондента: 82 человека, больные наркоманией, и 61 специалист в области промышленного альпинизма.

Средний возраст опрошенных в группе больных наркоманией составил 29 лет (20–43 года), при этом значительную часть данной группы составляют женщины (42,7%). В основном больные наркоманией имеют среднее (26,8%) или среднее специальное (45,1%) образование и либо одиноки (50,0%), либо находятся в фактическом (незарегистрированном) браке (24,6%).

Подвыборка альпинистов была в среднем значительно моложе — средний возраст составил 25 лет (16–32) ($p \leq 0,01$), и практически полностью состояла из мужчин (95,1%, $p \leq 0,001$). Для данной профессиональной группы значительно более характерно высшее образование (49,2%, $p \leq 0,001$) и нахождение в зарегистрированном браке (41,0%, $p \leq 0,001$).

Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием компьютерной программы SPSS 20.0 for Windows. Рассчитывались процентные распределения (%) и меры центральной тенденции (M , M_e , δ); сравнение двух подвыборок осуществлялось с использованием критерия χ^2 .

---

² Сбор данных на выборке промышленных альпинистов осуществлен бакалавром СПбГУ О. Фроловым, на выборке наркопотребителей — магистром Е. Широковских.

Результаты и их обсуждение

Становление поведения риска в онтогенезе

Употребление психоактивных веществ (ПАВ). Уже с раннего школьного возраста у представителей двух подгрупп исследования проявлялись различия в социальном окружении — больные наркоманией значительно чаще сообщали о наличии в тот период близких друзей, злоупотреблявших алкоголем или употреблявших наркотики (рис. 1, 2). Однако если для наркопотребления данные различия сохранялись и в дальнейшем, то, начиная с подросткового возраста, вероятность иметь в ближайшем социальном окружении лиц, злоупотребляющих алкоголем, для представи-

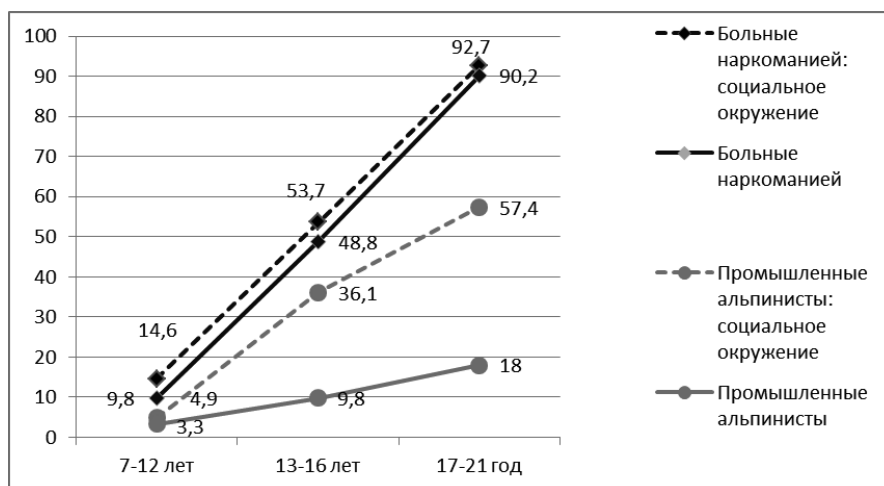

Рис. 1. Употребление наркотиков в зависимости от возраста, %

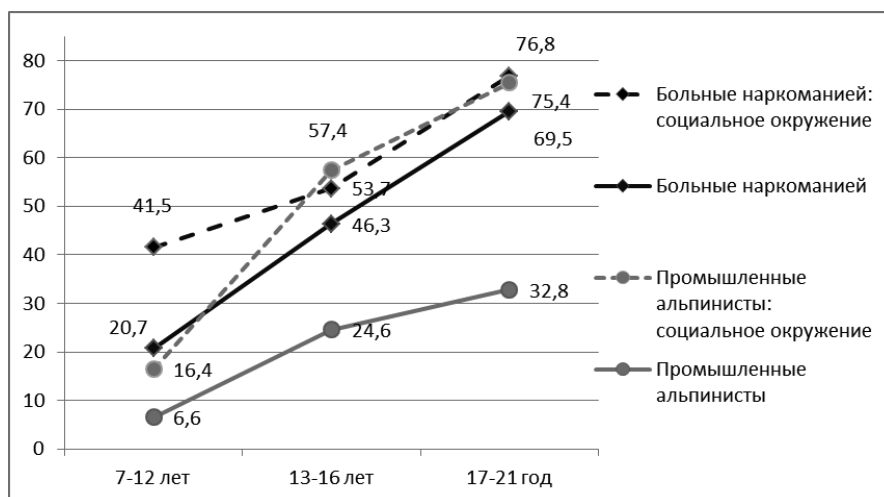

Рис. 2. Злоупотребление алкоголем в зависимости от возраста, %

телей обеих групп уже была практически одинаковой. Непосредственно же уровень употребления ПАВ был значимо выше среди больных наркоманией уже с младшего школьного возраста и сохранялся таковым в дальнейшем. Можно предположить, что в подростковом и юношеском возрасте алкоголизация представителей социального окружения является скорее нормативной и уже не оказывает такого сильного влияния на поведение личности. В связи с общим высоким уровнем распространенности проблемного алкопотребления в России представители самых разных социальных групп имеют фактически равные шансы с ним столкнуться.

Девиантное и делинквентное поведение. Любопытно, что в школьном возрасте именно для будущих альпинистов была более характерна совместная социализация со сверстниками, нарушающими дисциплину и совершающими правонарушения (рис. 3, 4). Однако это непосредственно не повлияло на их поведение: если в возрасте 7–12 лет значимых различий в нарушении общественных норм у представителей двух изучаемых групп не было, то начиная с подросткового возраста совершение правонарушений, а позже и нарушение дисциплины, значимо более характерным становится для наркопотребителей. Вероятно, в данном случае нарушение общественных норм было не столько связано с социальным окружением, сколько явилось непосредственным следствием рискованного поведения (наркопотребления) и связанных с ним поведенческих паттернов, в частности с поиском средств на приобретение наркотика. Следует отметить, что школьная успеваемость, которую также можно использовать в качестве косвенной оценки девиантности подростков, у изучаемых двух групп значимо не различалась: большинство опрошенных в школе были «хорошистами» (58,7%), реже — «троечниками» (32,9%).

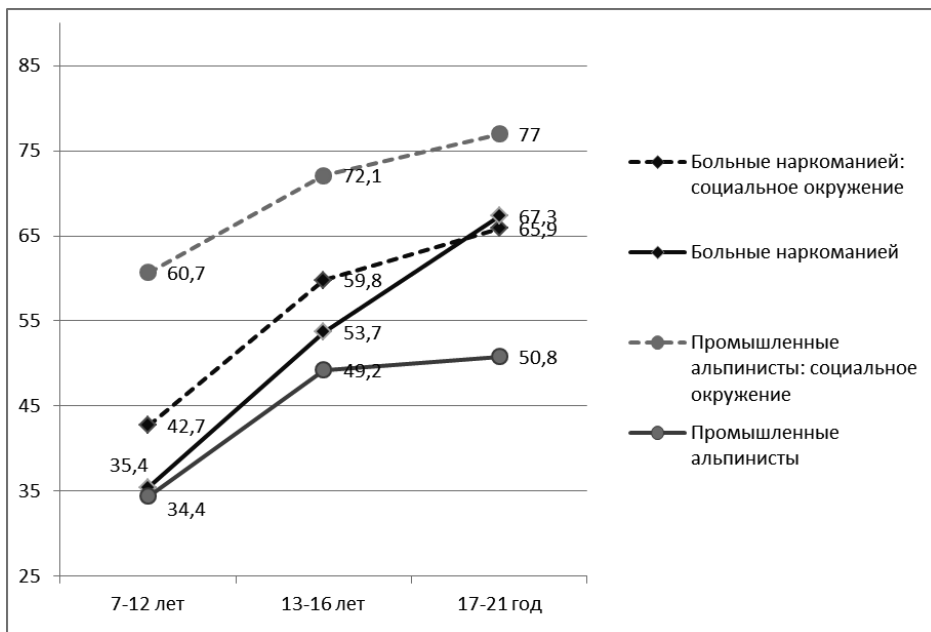

Рис. 3. Нарушение дисциплины в зависимости от возраста, %

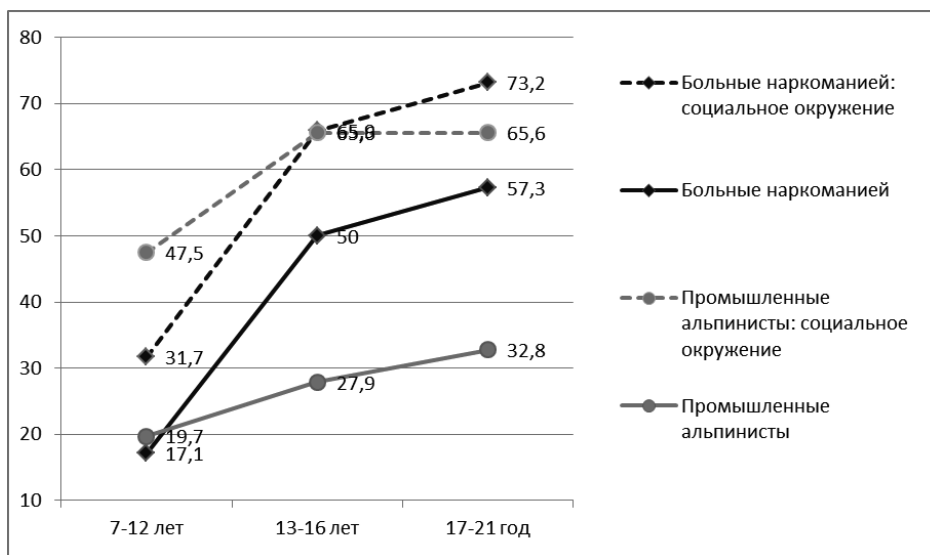

Рис. 4. Правонарушения в зависимости от возраста, %

Экстремальные виды спорта и поведение, связанное с риском для жизни. Вполне ожидаемо, что для промышленных альпинистов во все возрастные периоды было значимо более характерно занятие экстремальными видами спорта и наличие друзей-спортсменов (рис. 5).

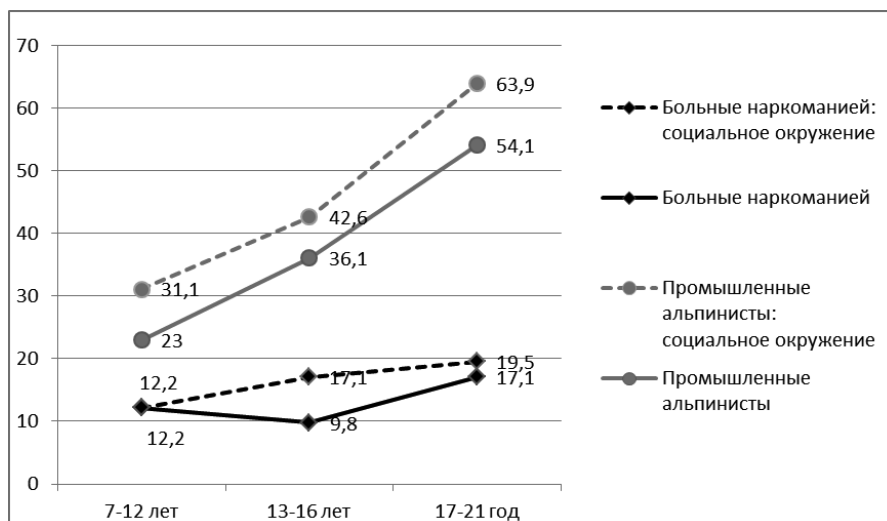

Рис. 5. Занятия экстремальным спортом в зависимости от возраста, %

Другое поведение, связанное с риском для жизни, также было более характерно во все изучаемые возрастные периоды именно для альпинистов и их социального

окружения (рис. 6). Однако уже в юношеском возрасте значимых различий в распространенности активностей, связанных с риском для жизни, между двумя группами не наблюдалось: альпинисты в юношеском возрасте стали практиковать подобное поведение значительно реже, тогда как у больных наркоманией склонность к рискованному поведению с течением времени незначительно, но возрастала.

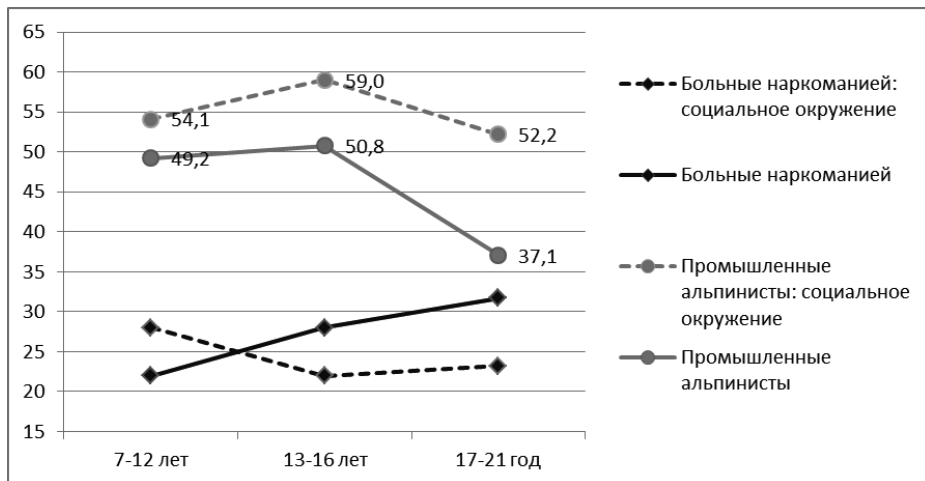

Рис. 6. Занятия, связанные с риском для жизни в зависимости от возраста, %

Финансовый риск. Ни в младшем школьном, ни в юношеском возрасте каких-либо значимых различий в рискованном поведении в сфере финансов между указанными группами обнаружено не было. Однако, если у группы альпинистов поведение, связанное с финансовым риском, во все периоды оставалось на стабильном уровне, у больных наркоманией оно становилось все более распространенным, и к юношескому возрасту различия уже достигают уровня статистически значимых (9,8% против 36,6%; $p \leq 0,001$). При этом распространенность финансового риска в ближайшем социальном окружении двух групп значимо не различалась. Мы склонны интерпретировать полученные различия не как связанные с личностными психологическими особенностями, а скорее как вызванные наркопотреблением и сопутствующим ему стилем жизни.

Личностно-психологические составляющие рискованного поведения

Для опрошенных альпинистов оказалось значительно более характерна высокая готовность к риску: средний балл по шкале «Готовность к риску» Шуберта для данной группы составил 19 против 1 для группы больных наркоманией ($p \leq 0,001$). Эти данные подтверждаются также и результатами обследования по методике Цукермана — более высокая склонность к поиску острых впечатлений отмечается у альпинистов по сравнению с наркозависимыми (13,7 против 12,3; $p \leq 0,05$), что также может интерпретироваться как более высокое стремление, а значит и готовность к риску. Значимых различий между двумя изучаемыми группами по субшкалам «непереносимость однообразия», «поиск новых впечатлений» и «неадаптивное стремление

к трудностям» обнаружено не было. Для обеих групп характерны средние значения по данным показателям.

Субъективная оценка риска

Для опрошенных наркопотребителей в целом характерна крайне высокая субъективная оценка риска употребления наркотиков: за редким исключением, опрошенные считают наркопотребление высокорискованным (65,9%) или скорее рискованным (28,0%). Для альпинистов характерна меньшая консистентность субъективных оценок риска: каждый второй опрошенный считает альпинизм скорее рискованным, чем нерискованным занятием (49,2%), и каждый пятый — высокорискованным (19,7%). Однако треть опрошенных склонны считать занятие альпинизмом скорее не связанным с риском (21,3%) или не имеют определенного мнения на этот счет (9,8%).

Оценка рискогенности наркопотребления связана у больных наркоманией с особенностями их жизненного опыта. Значительно более склонны считать употребление наркотиков высокорискованным те респонденты, которые чаще сталкивались со смертью ($r = .345, p \leq 0,01$) или увечьями ($r = .231, p \leq 0,05$) знакомых, произошедшими в результате употребления наркотиков. Также воспринимаемый риск наркопотребления значительно выше у респондентов, признающих наркоманию заболеванием. Единственной личностной особенностью, связанной в исследовании с субъективной оценкой риска наркопотребления, оказалась большая выраженность мотивации на успех ($r = .297, p \leq 0,05$).

Любопытно, что в настоящем исследовании не удалось обнаружить ни одного значимого коррелята субъективной оценки риска промышленными альпинистами своей профессиональной деятельности: ни личное знакомство с коллегами, пострадавшими или погибшими в результате профессиональной деятельности, ни собственные профессиональные травмы, ни личностно-психологические характеристики не оказались связанными с тем, будет ли альпинист оценивать свою профессиональную деятельность как более или менее рискованную.

Выводы и обсуждение

Результаты исследования позволили сделать следующие выводы.

1. Для промышленных альпинистов, чья основная деятельность связана с высоким риском, характерен более высокий уровень склонности и готовности к риску по сравнению с наркопотребителями. Кроме того, у альпинистов наблюдается адаптация к своей профессиональной деятельности в условиях повышенного риска: лишь каждый пятый альпинист считает свою профессиональную деятельность высоко рискогенной. Напротив, для наркопотребителей характерна крайне высокая субъективная оценка риска употребления наркотиков. Возможно, это является результатом формирования выборки исследования — наркопотребителей, находящихся на лечении.

2. Ролевые модели аддиктивного рискованного поведения существуют в ближайшем социальном окружении ребенка/подростка/юноши как будущих промышленных альпинистов, так и наркозависимых, которые имеют практически равные шансы столкнуться с проблемным алкопотреблением представителей социального

окружения ввиду его широкой распространенности в обществе. Тем не менее, у наркопотребителей, прочно усвоивших этот вид рискованного поведения, переросшего в аддикцию, вероятно изначально имеется так называемый «тропизм». Другими словами, факторы predisпозиции (некие личностные особенности) играют ведущую роль в формировании аддикции по сравнению с факторами преципитации (наличием в социальном окружении рискованных практик аддиктивного поведения) именно в силу широкого распространения аддиктивных практик среди социального окружения обеих изучаемых подгрупп.

3. Занятия экстремальными видами спорта, а также другими занятиями, связанными с риском для жизни, более характерны во все изучаемые возрастные периоды (от младшего школьного возраста до ранней зрелости) именно для промышленных альпинистов и их социального окружения. Кроме того, для социального окружения промышленных альпинистов по сравнению с окружением наркопотребителей в большей степени характерно нарушение дисциплины и поведение, имеющее криминальную окраску.

Таким образом, среди представителей рискованных профессий в онтогенетическом процессе формирования личности уже на ранних его этапах прослеживается склонность личности к риску и поиску ролевых моделей, связанных с риском. В результате процесса самоселекции эта склонность к риску может приводить к выбору социально приемлемого поведения, а именно профессиональной деятельности, связанной с высоким риском (на примере промышленных альпинистов). Алко- и наркопотребление, на наш взгляд, непродуктивно рассматривать в контексте склонности к риску и принятия риска. Учитывая, что пик первых проб ПАВ приходится на подростковый и юношеский возраст, характеризующийся так называемым «подростковым экспериментированием», когда нарушения часто совершаются для того, чтобы опытным путем установить меру дозволенного, а также в этот период увеличивается влияние группы сверстников, склонность к риску может и не обуславливать выбор аддиктивного поведения, а в дальнейшем вообще терять значимость в результате формирования химической зависимости у индивида.

Ограничения исследования. Настоящее исследование имеет ряд существенных ограничений, ввиду которых полученные результаты могут рассматриваться скорее в русле выявления перспективных направлений дальнейших исследований. Во-первых, кросс-секционный дизайн исследования позволяет лишь описать онтогенетические характеристики, но не собственно факторы формирования поведения риска. Данные, полученные при помощи биографического ретроспективного опросника, помимо эффектов социальной желательности, также могут быть искажены различными эффектами памяти. Кроме того, за рамками исследования остаются различные средовые влияния, которые респондент не может осознать, в том числе те, которые были в раннем детстве.

Кроме того, значительные ограничения на интерпретацию данных накладывают существенные различия в социально-демографических характеристиках подвыборок, которые, тем не менее, отчасти отражают реальную ситуацию в социуме (например, значительную феминизацию наркопотребления и, напротив, крайне низкую представленность женщин среди промышленных альпинистов). Также нельзя исключить, что наркопотребители, обратившиеся за лечением от наркомании, будут иметь ряд существенных личностных особенностей, а также иное отношение к ри-

скам по сравнению с наркопотребителями, не обращающимися за лечением. Также успешные лечение и реабилитация позволяют преодолеть анозогнозию (отрицание наличия заболевания) у наркопотребителей и помогают им осознать риски, связанные с употреблением наркотиков.

Тем не менее, настоящее исследование — одно из немногих, направленных на сравнительное изучение двух очень разных видов поведения, которые, тем не менее, очень часто приводятся как примеры поведения риска. Одно из них — употребление наркотиков — крайне неодобряемое в обществе поведение, основным риском которого является формирование аддикции с негативными социальными, медицинскими и правовыми последствиями. Другое — экстремальные профессии или спорт — социально одобряемые занятия, единственными рисками которых являются риски для жизни и здоровья.

Литература

1. *Hansson S. O.* Risk: objective or subjective, facts or values // *J. of Risk Research*. 2010. Vol. 13, Issue 2. P.231–238.
2. *Slovic P.* The Perception of Risk. London: Earthscan, Routledge, 2000. 512 p.
3. *Гурвич И. Н., Цветкова Л. А., Антонова Н. А., Ерицын К. Ю.* Концептуализация поведения «риска» с позиций психологической науки // *Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 12*. 2014. Вып. 3. С. 113–120.
4. *Weber E. U., Blais A. R., Betz N. E.* A domain-specific risk-attitude scale: Measuring risk perceptions and risk behaviors // *J. of behavioral decision making*. 2002. Vol. 15, N 4. P.263–290.

Статья поступила в редакцию 12 марта 2015 г.

Контактная информация

Цветкова Лариса Александровна — доктор психологических наук, профессор; larac@mail.ru

Ерицын Ксения Юрьевна — магистр психологии, старший преподаватель, соискатель; ksenia.eritsyan@gmail.com

Антонова Наталья Александровна — кандидат психологических наук, старший преподаватель; antonova.natalia11@gmail.com

Tsvetkova Larisa A. — Doctor of Psychology, Professor; larac@mail.ru

Erityan Kseniya Yu. — magister of Psychology, Senior lecturer; ksenia.eritsyan@gmail.com

Antonova Natalia A. — Candidate of Psychology, Senior lecturer; antonova.natalia11@gmail.com